

Риккерт Генрих

**Границы естественно-научного
образования понятий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генрих Р.**
Границы естественно-научного образования понятий / Риккерт Генрих – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 628 с.

ISBN 978-5-519-80700-5

ISBN 978-5-519-80700-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ переводчика.

Характерную особенность предлагаемого нынѣ русскому читателю труда профессора Риккерта, отличающую этотъ трудъ отъ большинства книгъ, посвященныхъ философіи исторіи, составляетъ систематически-гносеологическое трактованіе проблемъ. При этомъ Риккертъ ясно формулируетъ и въ общемъ разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи между психологіей и теоріей познания, невыясненность котораго не могла не отзываться весьма неблагоприятно на нѣкоторыхъ попыткахъ рѣшать проблемы философіи исторіи на основаніи гносеологическихъ соображеній, хотя бы напр. на попыткахъ разрѣшить вопросъ о „свободѣ и исторической необходимости“. Значеніе, принадлежащее труду Риккерта въ развитіи гносеологическихъ доктринъ, опредѣляется прежде всего тѣмъ, что, по мѣткому замѣчанію Ласка, этотъ трудъ „содержитъ въ себѣ первую сознательную спекулятивную полемику противъ платонизма

актахъ оцѣнки (des Wertens), который коренится въ умозрѣніи временъ еще глубже, чѣмъ логически-метафизическій „реализмъ“, представляющій собою всего лишь его разновидность“. (Emil Lask, Fichte's Idealismus und die Geschichte. S. 11. Berlin 1902).

Относительно терминологіи считаю необходимымъ замѣтить, что, хотя переводъ термина „Anschauung“ посредствомъ „воззрѣніе“ и продолжаетъ вызывать рѣзкія нападки со стороны нѣкоторыхъ рецензентовъ, онъ все же оказывается наиболѣе цѣлесообразнымъ, какъ вслѣдствіе неадекватности другихъ предлагаемыхъ словъ (словомъ „созерцаніе“ умѣстнѣе переводить „Anschauen“; словомъ „интуиція“ — „intellektuelle Anschauung“), такъ и въ силу того обстоятельства, что, какъ мнѣ уже приходилось ставить на видъ, словомъ „воззрѣніе“ пользовались для передачи термина „Anschauung“ наиболѣе авторитетные по терминологическимъ вопросамъ русскіе философы. Владимиръ Соловьевъ слово „воззрѣніе“ и въ такихъ контекстахъ, въ которыхъ имѣетъ родительный падежъ (см. напр. стр.

41 и сл. его перевода пролегоменъ Канта, изд. 2-е). Рѣшающее же значеніе въ пользу выбора слова „воззрѣніе“ для передачи „Anschauung“ имѣетъ то обстоятельство, что прилагательное „anschaulich“ очень часто означаетъ не „наглядный“, а „воззрительный“, — „воззрительный“ въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, который получило это понятіе въ новѣйшей научной терминологіи и согласно съ которыми оно обозначаетъ уже не только непосредственное содержаніе воспріятій внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія, но всю конкретную дѣйствительность въ противоположность абстрактному и мыслимому въ понятіи“. (В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переводъ Д. В. Викторова подъ ред. проф. Грота, стр. 10).

Само собою разумѣется, что, при неустановленности русской философско-эпистемологической терминологіи, переводчикъ можетъ быть только весьма признателенъ за всякое дѣльное и продуманное критическое замѣчаніе. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что не всѣ критическія замѣчанія и указанія принадлежатъ къ этой категоріи. Въ частности я не могъ переводить слово „Gemeinschaft“ словомъ „общество“, какъ того требуетъ Г-нъ Ч. [въ рецензії на мой переводъ Вундта (Міръ Божій, Ноябрь 1902)]. Вѣдь еслибы Г-нъ Ч. далъ себѣ трудъ сколько-нибудь внимательно прочесть книгу, требующую, какъ онъ выражается, „внимательнаго изученія“, онъ узналъ бы, что, во первыхъ Gesellschaft и Gemeinschaft вовсе не одно и то же, а, слѣдовательно, разъ Gesellschaft означаетъ общество, Gemeinschaft требуетъ иной передачи, а, во вторыхъ, что выраженіе Gemeinschaft оказывается весьма многозначнымъ, хотя бы оно и встрѣчалось даже „на одной и той же страницѣ“. Разъясненіе о различіи между Gesellschaft и Gemeinschaft и о многозначности послѣдняго „термина“ принадлежитъ Вундту.

Надѣюсь, то обстоятельство, что мнѣ не удалось, не смотря на справки у специалистовъ, найти въ русской литературѣ что бы то ни было о „transfinite Zahlen, послужить оправданіемъ длинноты моего примѣчанія, посвященнаго этому понятію, имѣющему важное философское значеніе.

А. Водень.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я занимался теоріей научнаго образованія понятій съ тѣхъ поръ, какъ началъ работать надъ своей докторской диссертацией «Къ ученію объ опредѣленіи» ¹⁾. Уже тогда я оспаривалъ мысль о нѣкоемъ естественно-научномъ универсальномъ методѣ и пытался показать, насколько пуста та доктрина, согласно которой общіе элементы вещей тождественны съ существенными признаками понятій. Мнѣ стало ясно, что всегда оказывается необходимой опредѣленная цѣль, которой руководятся при отличеніи существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ, и что задача ученія о методахъ состоитъ въ томъ, чтобы разобратъся въ разнородности этихъ цѣлей для пониманія многообразія научныхъ методовъ и выработки надлежащаго отношенія къ этому ихъ многообразію. Затѣмъ, предварительно сдѣлавши въ своей книжкѣ «Предметъ познанія» ²⁾ попытку выработать себѣ для своей дальнѣйшей работы общую гносеологическую (*erkenntniss-theoretischen*) «точку зрѣнія» и теоретически обосновать примать пракческаго разума, я снова занялся методологическими изслѣдованіями. Однако очень скоро мнѣ выяснилось, что построеніе теоріи образованія

¹⁾ «Zur Lehre von der Definition». (1888).

²⁾ «Der Gegenstand der Erkenntniss». (1892). Примѣчаніе переводчика. Изложеніе и обстоятельный разборъ этого построенія «теоріи познанія, носящей совершенно этическую окраску», къ которому «логически-последовательно должны были прійти представители телеологическаго критицизма, сливающего истинное и должное въ одно понятіе общеобязательнаго» русскій читатель можетъ найти въ предисловіи П. В. Струве къ книгѣ г-на Бердяева, — «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ». Стр. XL—L. С.-Петербургъ, 1901.

понятій, которая обнимала бы всѣ науки, есть предпріятіе, представляющее безконечныя трудности, вслѣдствіе обилія необходимыхъ для этого специально-научныхъ свѣдѣній. Итакъ, я попытался ограничить поставленную мною себѣ задачу и прежде всего понять сущность историческаго образованія понятій, такъ какъ, во первыхъ, для этого до сихъ поръ менѣе всего сдѣлано логикой; такъ какъ, во вторыхъ, выясненіе принципиальнаго различія между историческимъ и естественно-научнымъ мышленіемъ оказалось важнѣйшимъ пунктомъ для пониманія всякой специально-научной дѣятельности и такъ какъ, наконецъ, это выясненіе представлялось мнѣ настоятельно необходимымъ въ то-же время и для трактованія большинства философскихъ проблемъ или вопросовъ, относящихся къ міросозерцанію. Здѣсь логическая теорія является оружіемъ въ борьбѣ противъ натурализма и способствуетъ обоснованію ориентировавшейся въ исторіи идеалистической философіи.

Мой взглядъ на отношеніе понятія къ эмпирической дѣятельности вообще, опредѣляющій собой характеръ всего излагаемаго ниже строя мыслей, впервые изложенъ мною въ статьѣ «Къ теоріи естественно-научнаго образованія понятій» ¹⁾ помѣщенной въ философскомъ журналѣ Авенаріуса въ 1894-мъ году. Черезъ два года послѣ напечатанія этой статьи появились три первыя главы этой книги, цѣлю которыхъ было прежде всего показать, что естественно-научный методъ непримѣнимъ въ исторіи, при чемъ эти главы, въ качествѣ отрицательной части работы, образуютъ законченное цѣлое. Затѣмъ въ лекціи на тему «наука о культурѣ и естествознаніе» ²⁾ я сдѣлалъ попытку въ возможно простѣйшей формѣ изложить въ основныхъ чертахъ положительную теорію логической сущности исторіи. Въ тѣснѣйшей связи съ этой попыткой находятся равнымъ образомъ и нѣкоторые другія, послѣдовавшія за этой лекціей, работы меньшаго объема. Наконецъ, теперь, значительно позднѣе, чѣмъ я надѣялся это сдѣлать, я въ состояніи представить завершеніе моей теоріи историческаго изложенія. Такъ какъ это замедленіе было обусловлено отнюдь не внутренними трудностями, которые вытекали-бы изъ самого предмета, но исключительно вѣшними обстоятельствами, то его причины не интересны для читателя и я рѣшаюсь

¹⁾ «Zur Theorie der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung».

²⁾ «Kulturwissenschaft und Naturwissenschaften» (1899).

о выразить надежду на то, что тотъ фактъ, что я былъ вынужденъ работать надъ этой книгой втеченіи длиннаго ряда лѣтъ и вмѣстѣ со многими продолжительными перерывами, не оказалъ вреднаго вліянія на единство изложенія. Впродолженіи этого времени не представлялось основаній вносить какія бы то ни было измѣненія въ руководящія мысли.

Однако нѣкоторыя проблемы въ четвертой главѣ разсмотрѣны только подробнѣе, чѣмъ я первоначально имѣлъ въ виду это сдѣлать, и это обстоятельство да послужитъ извиненіемъ въ томъ, что первая половина» книги занимаетъ нѣсколько болѣе ея половины. А я обдумывалъ планъ своей работы, тема ея—историческій методъ—отнюдь не была животрепещущей въ исторической наукѣ и не было ожидать, чтобы за ея обсужденіе скоро вновь взялись спеціалисты. Менѣе же всего я счелъ-бы тогда возможнымъ, и старая мысль «о возведеніи исторіи въ науку» путемъ примѣненія естественно-научнаго метода могла такъ скоро ожить и привлечь вниманіе среди самихъ историковъ, такъ какъ казалось, что престижъ Бокля и родственныхъ послѣднему умовъ былъ значительно подорванъ среди нихъ и продолжалъ играть роль лишь историко-философской философіи. Тѣмъ не менѣе старыя умозрѣнія, традиціонныя эпохъ просвѣщенія, нынѣ вновь выдаются за новѣйшія живѣйшія историческія пріобрѣтенія, вслѣдствіе чего я счелъ необходимымъ указывать также и на лежащія въ основѣ ихъ смѣшныя понятія, въ особенности-же выяснять многозначность (Vielsichtigkeit) тѣхъ ходячихъ аргументовъ, при посредствѣ которыхъ эти дни опять отстаиваются эти порядочно-таки устарѣвшія идеи.

Всякій логикъ, пойметъ, что при этомъ я специально остановился на разборѣ лишь весьма незначительной доли новѣйшей литературы этого направленія. Эта литература почти сплошь до такой степени носитъ характеръ диллетантизма, что не стоитъ заниматься ея детальною критикою. Я полагаю, что *implicite* я въ довольно степени выяснилъ свое отношеніе ко всѣмъ существеннымъ мыслямъ, высказаннымъ въ новѣйшемъ спорѣ объ историческомъ методѣ.

Но, быть можетъ, менѣе заслуживающимъ оправданія покажется то обстоятельство, что и изъ цѣнныхъ работъ по вопросу о методѣ исторической науки мною упомянута лишь весьма незна-

чительная доля и что въ моей книгѣ почти совершенно отсутствуетъ спеціальный разборъ этихъ книгъ. Однако иначе нельзя было сдѣлать, не увеличивая черезчуръ объема этой книги. А, кроме того, по моему мнѣнію, мы вообще слишкомъ много цитируемъ въ настоящее время и при этомъ руководимся такими принципами, которые могутъ быть пригодными лишь для учебниковъ. Въ особенности по философіи имѣется множество объемистыхъ сочиненій, которыя состоятъ преимущественно изъ рефератовъ и критическихъ обзоровъ чужихъ взглядовъ и въ которыхъ лишь небольшіе отрывки выражаютъ собственное мнѣніе ихъ авторовъ. Я же, въ сознательной противоположности этого рода манерѣ писать, просто старался излагать и обосновывать то, что я признаю правильнымъ, а поэтому чужія работы упоминаются мною лишь въ исключительныхъ случаяхъ и мимоходомъ, когда это представлялось мнѣ желательнымъ въ интересахъ выясненія хода моихъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что и въ этомъ своемъ трудѣ я не игнорировалъ имѣющейся на лицо литературы предмета и *implicite* въ достаточной степени принялъ въ соображеніе существенныя мысли другихъ. Лишь сочиненія, вышедшія за послѣдній годъ, использованы только въ незначительной степени, такъ какъ я уже давно окончилъ четвертую главу посвященную тѣмъ вопросамъ, въ связи съ которыми стоитъ ихъ содержаніе. При этомъ я желалъ-бы не преминуть поставить на видъ, что я весьма признателенъ за выясненіе моихъ собственныхъ взглядовъ и авторамъ такихъ трудовъ, называть которыхъ мнѣ не представлялось случая.

Затѣмъ, остается еще сказать нѣсколько словъ о характерѣ моего изложенія. Я стараюсь, исходя изъ границъ естественно-научнаго образованія понятій, понять сущность дѣйствительно имѣющейся на лицо исторіи и отнюдь не задаюсь составленіемъ плановъ для наукъ будущаго. При всемъ томъ, я далеко не ограничиваюсь однимъ лишь анализомъ или описаніемъ имѣющагося на лицо, но моей задачей является раскрытіе внутренней логической структуры всякаго историческаго образованія понятій. По этой причинѣ я на первыхъ порахъ долженъ былъ исходить изъ совершенно общихъ понятій, содержащихъ въ себѣ весьма немногое изъ того, что привыкли называть исторіей, и лишь мало по малу я присоединяю къ этимъ понятіямъ одинъ элементъ за другимъ, такъ что, благодаря этому, лишь въ заключеніи четвертой главы вырабатывается понятіе, соответствующее тѣмъ наукамъ, которыя обыкновенно называютъ исторіей.

Изъ этого синтетическаго приѣма не только вытекаетъ то не удобство, что обязательно предварительно прочесть цѣлую книгу для того, чтобы узнать, что я имѣю въ виду, но имъ же обусловливается и необходимость отложить сужденіе о правильности моего взгляда до конца книги. Но, при всемъ желаніи, и этого я совершенно не могъ измѣнить. На послѣдокъ еще одно замѣчаніе. Логическая работа въ значительной степени состоитъ въ томъ, чтобы констатировать тѣ предпосылки, которыя необходимо лежать въ основѣ научной дѣятельности. А недавно возникъ споръ о «свободной отъ предпосылокъ наукѣ» (um die Voraussetzungslose Wissenschaft) и этотъ вопросъ приводится въ связь съ вопросомъ о логическихъ или гносеологическихъ (erkenntnisstheoretischen) предпосылкахъ и даже съ моими работами. Я не намѣренъ касаться этого пункта и только напоминаю читателю, что каждая строчка этой книги, за исключеніемъ нѣсколькихъ примѣчаній, которыя были добавляемы въ то время, какъ она печаталась, написана до вышеупомянутаго спора, и что поэтому мнѣ не могло придти въ голову какъ либо высказываться относительно него. Еслибы, несмотря на это, все таки показалось, будто нѣкоторыя части моей работы имѣютъ отношеніе къ упомянутому спору, то, если оставить въ сторонѣ второе изъ примѣчаній къ отдѣлу «эмпирическая объективность», это чисто случайно.

Генрихъ Риккертъ.

Гейбургъ, Январь 1902-го года.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ научной жизни нашего времени много мѣста занимають историческія изслѣдованія. Находить-ли себѣ эта тенденція подобающее ей выраженіе равнымъ образомъ и въ современной философіи? Утверждали, что это такъ. Въ одной, находящей себѣ въ наши дни много читателей, книгѣ, не только содержаніе, но и внѣшній успѣхъ которой весьма характерны для нынѣшняго состоянія философскихъ наукъ въ Германіи, въ числѣ тѣхъ направленій, въ которыхъ, повидимому, движется философія въ настоящее время, упоминается также историческая тенденція (*Richtung auf die Geschichte*), при чемъ это направленіе характеризуется даже какъ такая черта, которая придаетъ особый отпечатокъ всей философіи 19-го столѣтія въ противоположность предшествовавшему математически - естественно-научному періоду ¹⁾. Въ самомъ-ли дѣлѣ эта черта такъ сильно сказывается во всей философіи 19-го столѣтія и даже въ современной философіи? Или же вышеприведенное утвержденіе слѣдуетъ признать выраженіемъ не столько факта, сколько желанія?

Правда, вышеприведенное утвержденіе оказывается, конечно, справедливымъ по отношенію къ нѣмецкой философіи первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка. Быть можетъ, никакая философія не была когда либо столь историчной, какъ философія нѣмецкаго идеализма. Но можно-ли сказать, что это справедливо и для дальнѣйшихъ временъ? Правда, и во Франціи, приблизительно въ то-же самое время, когда Гегель излагалъ свою философію исторіи, Контъ развивалъ мысли, клонившіяся прежде всего къ тому, чтобы отвести исторіи подобающее ей мѣсто въ совокупности научнаго познанія и уста-

¹⁾ Paulsen, Einleitung in die Philosophie, Vorwort S. XI.

новить ей надлежащее трактованіе. Но не осталось-ли здѣсь въ общемъ дѣло, несмотря на нѣкоторые цѣнные задатки, при одномъ лишь благомъ намѣреніи? По крайней мѣрѣ, нельзя утверждать, чтобы вліяніе мыслей Конта было способно усилить историческую тенденцію (*die Richtung auf die Geschichte*) въ противополож-ности предшествовавшему естественно-научному періоду. А въ этомъ-то вѣдѣ и состоитъ самая суть данного вопроса. По сію пору суще-ствуетъ рѣшительный антагонизмъ между историческимъ и естественно-историческимъ родами мышленія. Конечно, Контъ не нашелъ охва-тывающаго, объединяющаго ихъ принципа и его вліяніе, какъ пря-мое, такъ и еще болѣе того—косвенное, оказываемое имъ, главнымъ образомъ при посредствѣ англійскихъ авторовъ, могло лишь съ своей стороны способствовать тому, что и въ Германіи во второй половинѣ 19-го столѣтія была вновь совершенно оттѣснена на задній планъ та великая историческая тенденція, которая проявилась въ философіи нѣмецкаго идеализма. Только историческое изслѣдованіе усвоило на-сильемъ этого идеализма и обнаружило могучій размахъ. Сама-же фи-лософія, поскольку она вообще имѣла еще какое либо значеніе для общей духовной жизни въ эти времена, снова цѣликомъ подпала подъ вліяніе естественныхъ наукъ. Слова болѣе дальновидныхъ мыслите-лей раздавались втунѣ.

Что-же сказать относительно философіи нынѣшняго времени? Если бы требовалось еще доказывать абсолютно неисторическій ха-рактеръ философскаго духа, господствующаго нынѣ въ самыхъ ши-рокихъ кругахъ, то для этого достаточно было бы указанія на тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій изъ нѣмецкихъ фи-лософовъ болѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе и находитъ чи-тателей именно тотъ, чье отсутствіе пониманія исторической жизни врядъ-ли можетъ быть превзойдено. Съ одной стороны ослабленіе историческаго интереса въ философіи, съ другой стороны предпочте-ніе, оказываемое естествознанію или естественно-научной фразѣ, были необходимыми предварительными условіями поздняго успѣха Шопенгауэра, который высказывалъ мысли нѣмецкаго идеализма лишь воспроизводя ихъ въ фізіологической терминологіи, которая была настолько же неудачна, насколько она удовлетворяла вкусамъ даннаго времени.

И успѣхъ, выпавшій на долю фантастическихъ и мистическихъ философіи Шопенгауэра менѣе всего можетъ ввѣсти